

375-летию села посвящается...

Г. Семёнов

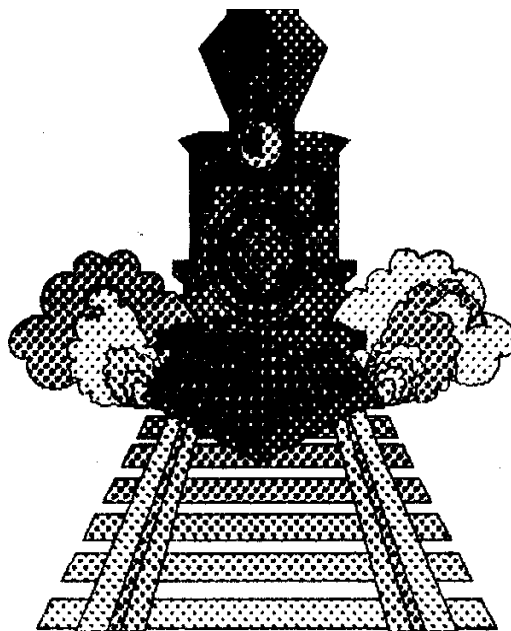

Александро из Сибири

Шёл к концу второй год вооружённого отпора фашизму в Испании... К перрону Киевского вокзала Москвы подошёл обычный, предусмотренный расписанием, пассажирский поезд с Украины. Из вагона вышла небольшая, человек пять-шесть, оживлённая группа молодых лётчиков. Их встретил представитель Наркомата обороны и проводил к автобусу. Машина направлялась к хамовническим казармам.

- Размещайтесь! - отрывисто бросил сопровождающий, а сам куда-то деловито скрылся. Через несколько часов он возвратился с новым отрядом военных авиаторов. На этот раз лётчиков было человек десять. Один из тех, кто прибыл сюда раньше, встал из-за стола и, улыбаясь, пошёл им на встречу. Роста он был невысокого, широкоплеч, лицо выражало решимость. Таких крепышей в 30-е годы военкомы искали по всей стране, чтобы потом в военных школах усадить их в кабину самолёта - истребителя.

Поднявшийся из-за стола здоровяк совсем по домашнему протянул обе руки ближайшему лётчику и назвал себя: "Романов. Зовут Александром". Улыбнулся небесного цвета глазами и очень дружелюбно добавил: "Мы из Киевского военного округа. А вы?" - Мы из Белорусского, - ответил за всех майор Родин. С первой же встречи Александр Романов вызвал у всех симпатию, расположил к себе. Тёмно-русые

кудрявые волосы, откиннутые назад, открывали широкий лоб. "Он, должно быть, хороший товарищ, весёлый и общительный", - подумал о Романове, обмениваясь с ним рукопожатием молодой, лет двадцати двух, лётчик. Маленький, худощавый, с обветренным лицом, он казался точёным в своей ладно подогнанной шинели. Романову он показался стоящим парнем. Сразу запомнилось его имя: "Владимир Бобров".

Все вместе сели за стол перекусить. Обменялись новостями. - Фашисты сбрасывают бомбы в самые населённые кварталы Барселоны, - сказал Романов. - Там и военных объектов-то нет, - поддержали его лётчики. Лётчики уже читали в утренних газетах о том, что в течение 36 часов фашисты 18 раз сеяли смерть среди мирного населения Барселоны. Убито 1300 и ранено две тысячи испанцев. Явиться в Наркомат, объявлен был приказ на следующий день. Лётчики отправились на Красную площадь. Каждому предстояло сделать в жизни решающий шаг, они пришли к Ленину. С ним была связана их жизнь. В детские годы они с гордостью носили имя юных ленинцев. Теперь такие, как Владимир Бобров, хранили изображение Ленина на комсомольском билете у самого сердца. Александр Романов, возрастом постарше, являлся уже членом партии. В этот мартовский день 1938 года, у подножия Мавзолея, каждый из них молча давал клятву Ильичу о верности делу пролетарского интернационализма и страстно хотел сразиться с фашистами в Испании. И каждый думал о своём. Мысленным взором шаг за шагом проходил по своему жизненному пути Александр Романов. Родился в Сибири в год расстрела рабочих на Ленских золотых приисках. Их волостное село Медведск Новониколаевского уезда считалось зажиточным. Но хозяйство Романовых никогда не вылезало из беспросветной нужды. С 8 лет Александр Романов полной мерой познал тяжёлый труд на земле, а с 13 стал батрачить у кулака. В учении проявлял незаурядные способности, 6 и 7 класс закончил за один год. Отец, Георгий Иванович, в начале коллективизации - привёл первые тракторы в Медведск, учил крестьян - бедняков управлять машинами. Сын тоже оседлал стального коня, участвовал в организации колхоза в родном Медведске и в деревне Зимовье, был секретарём комсомольской ячейки. Послушная в его руках гармонь собирала по вечерам молодёжь. По путёвке ВЛКСМ

Александр Романов прибыл в Новосибирскую школу пилотов Осоавиахима. В Сталинграде закончил военное авиационное училище и стал лётчиком - истребителем. Каскады сложнейших фигур этого замечательного лётчика видели москвичи на авиационных праздниках в Тушино, его самолёт в едином строю с другими машинами стремительно пронёсся над Красной площадью в дни торжественных парадов. Получая отпуск, Александр ехал на Родину в Сибирь - его всегда тянула родная земля.

Когда в Испании вспыхнул контрреволюционный мятеж фалангистов и началась германо-итальянская интервенция, лейтенант Александр Романов почувствовал, что должен быть там, в рядах республиканцев. И он добровольцем поехал в Испанию. В украинском городе Житомире осталась жена Мария Сергеевна с двухлетним сыном Сашей на руках.

Занят своим прошлым и Владимир Бобров. Самым близким ему всегда останется Луганск - его родина. Отец, Иван Фёдорович, в гражданскую войну сражался против белых, потом был машинистом подъёмного крана на заводе. Сына надёжно поставив на ноги, направил по своей рабочей стёжке. Владимир любил и уважал товарищей отца, участники гражданской войны, они были соратниками Артёма и Клима Ворошилова, часто собирались в доме Ивана Фёдоровича Боброва, пели "Варшавянку", "Смело, товарищи, в ногу", "Наш паровоз, вперёд лети", "Красная армия, чёрный барон", вспоминали молодость. Песни отца нередко подхватывал молодой, сильный голос сына. Владимиру было на кого равняться, за кем идти: эти люди завоевали Советскую власть, отстояли её, строят первоклассную индустрию, организуют колхозы, машинно - тракторные станции, совершают культурную революцию.

Заводской комитет ЛКСМУ вручил Владимиру Боброву красную книжечку. По комсомольской путёвке было написано: "Молодёжь - на самолёты!" Незаметно пролетели два года, проведённых в военной авиационной школе, и он с волнением впервые получил новенькую форму старшины-пилота с золочёными крылышками в голубых петлицах парадного кителя.

В это время в Испании фашисты подняли мятеж. Всюду проходили митинги трудящихся под лозунгом: "Руки прочь от испанской республики!". Бобров решил пойти добровольцем на республиканский фронт и подал рапорт командованию. "Я молодой, сильный, здоровый, умею владеть самолётом. Прошу направить меня в Испанию. Истребляя фашистскую нечисть, я буду отстаивать свободу испанского народа". Просьба его была удовлетворена.

Перед отъездом в Испанию они узнали последние новости. В потоке информации из-за рубежа оживлённый интерес вызвало сообщение о том, что в Англии и США ведутся секретные изыскания в области обнаружения самолётов в воздухе без звукоуловителей при помощи телевизионных приёмников.

Лётчиков подвели к карте Пиренейского полуострова. - Вот здесь в Вельчите прорван фронт республиканцев. - Фашисты, по-видимому, намерены развить крупное наступление в Арогоне. Нам надо очень торопиться. Военную форму сменили на штатские костюмы, ведь отправлялись они уже частными гражданами. Получили заграничные паспорта. Замелькали за окнами вагона города и полустанки. Нигде не задерживались, торопились - каждый день, каждый час промедления - это новые жертвы испанской республики.

В Мурманске сели на пароход "Андрей Жданов", который взял курс к французским берегам. На верхней палубе чья-то сильная рука легла Владимиру Боброву на плечо. Обернулся - Александр Романов. В пути они подружились. Бобров успел подметить - в Романове есть что-то чкаловское, наверное расчётливость, хладнокровие, самообладание лётчика - истребителя. - Может быть проведём бой? - спросил Романов. - Согласен! - Бобров радостно сорвался с места,

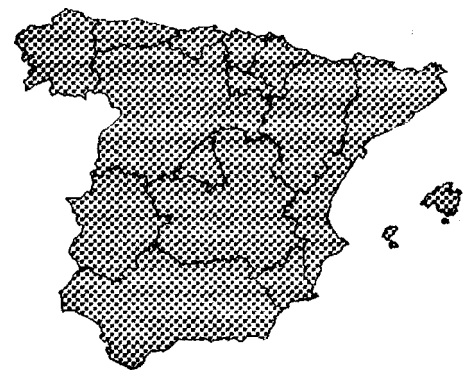
чтобы оповестить всех лётчиков" добровольцев: "Собратся на командирскую учёбу!". В каюте стало тесно. Романов достал из своего дорожного чемодана небольшую шкатулку и извлёк из неё новенькие игрушки - маленькие, покрытые лаком самолётики. "Такие дарят ребятишкам", отметил про себя Бобров. Когда эти модельки попали в руки лётчиков, каждая из них стала боевым самолётом вероятных, а теперь уже реальных противников - германских и итальянских фашистов: "мессершмитами", "юнкерсами", "хейнкеля-ми", "фиатами", "савойями". Среди них выделялись своей формой тупоносые советские истребители И-16. Дома, в Житомире, готовясь к поездке в Испанию, Романов по вечерам мастерил эти игрушки из дерева, склеивал их по частям, чтобы взять с собой в дорогу. Двухлетний сын Саша безмятежно играл ими. Теперь модели пригодились. Каждый вечер в море на теплоходе "Андрей Жданов" разгорались одиночные и групповые воздушные "бои". - Самочувствие такое, - признавались после "игры" лётчики, - будто и впрямь настоящую тренировку прошёл в воздухе. Всем понравилась инициатива Александра Романова.

Перед входом в порт Гавр Романов утопил в море игрушечные самолётики, чтобы не вызвать подозрений у дотошных таможенников. В Гавре бурлила пёстрая портовая жизнь. В холле гостиницы Бобров заметил знакомую фигуру. Кто бы это мог встретиться так далеко от родины? - Саша? Откуда? Это был Гусев (Александр Иванович Гусев в качестве добровольца участвовал в войне в Испании Герой Советского Союза), лётчик из Белорусского округа. - Возвращаюсь домой. Они крепко стиснули друг друга в объятиях. К Гусеву потянулись другие лётчики. - Как Москва? - был его первый вопрос. Забрались в дальний угол холла, под пальму и разговаривали в полголоса. Всех интересовало положение на испанских фронтах. Романов допытывался, как дерутся фашистские лётчики - истребители, интересовался мельчайшими деталями их тактики.

Гусев рассказывал неторопливо, обстоятельно. Предупредил: "Теперь обстановка в воздухе много сложнее, чем год назад. У фашистов появились новые самолёты. Воюют на них опытные асы, в том числе лётчики испытатели с заводов. Численное превосходство в воздухе оставалось за вражеской авиацией, часто многократное. На лёгкие победы не рассчитывайте". Под конец разговора Гусев посоветовал: "Помните главное: наши побеждают в Испании не числом, а умением - это советские лётчики добровольцы доказали делом".

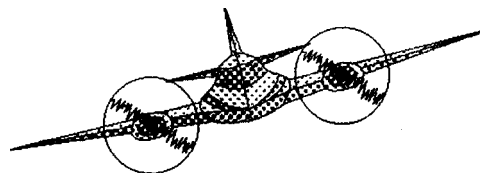
Гавре пробыли недолго. Над Испанией всё плотнее сгущались тучи, военная гроза подгоняла вперёд. Из Парижа поезд стремительно шёл на юг. Приближалась франко-испанская граница. На горизонте уже ясно вырисовывается величественная панорама Пиренеев. На тыловом аэродроме в Фигерасе собирали новые самолёты-истребители, присланные Испанской республике Советским Союзом. Затем перелетали на аэродром в Сагадель, недалеко от Барселоны, где облетали машины и перебазировались в при фронтовую зону на аэродром Реус. В этот кратковременный подготовительный период Александр Романов как бывало на Родине выполнял обязанности инструктора по технике пилотирования, передавая младшим товарищам свой опыт

... Едва стало светать, лётчиков поднял сигнал боевой тревоги. Поёживаясь от предутреннее сырости, они торопились к самолётам. Зачихали, зафыркали моторы и запели свою подъёмную песню. В воздухе к истребителю Романова пристроился правый ведомый Владимир Бобров. Под крылом - Каталония. С высоты взору открываются

кристаллические горные цепи, растянувшиеся вдоль морского побережья, а в долинах и на склонах - апельсиновые сады и оливковые рощи, леса из вечнозелёного пробкового дуба и каштана, заросли маквиста и гириги, ровные прямоугольники виноградников. Выше - тёмные сосновые и буково-пихтовые леса. Светлыми пятнами виднеются альпийские луга на вершинах. Красота, мир, покой! Но звенья истребителей. Летящих на юг, к реке Эбро, напоминают, что лётчики прибыли в край синевы и солнца не отдыхать. Знакомство с Каталонией они начинают как её крылатые защитники, бойцы интернациональной бригады Народной армии.

Линия фронта обозначалась на горизонте своим туманом и чёрным дымом разрывов. Обширный район, прилегающий с юга к заболоченному устью Эбро, затянут порохowymi газами. Запах гари чувствуется даже на высоте. Нет ли поблизости фашистских самолётов? Лётчики отыскивали их в воздушном бассейне. Показались чёрные точки: Они стремительно несутся навстречу, растут, и вскоре Романов уже хорошо различает серебристо-серые с жёлто-зелёным камуфляжем силуэты итальянских истребителей "фиат". Группа делает боевой разворот. Теперь вражеские самолёты совсем близко. Целая стая "фиатов": численное превосходство на стороне врага. Фашистские лётчики идут в лобовую атаку. Романов собрался в комок, слился с самолётом и нажал гашетку. Фашистский истребитель на мгновение вырос перед ним и исчез, ослепив пулёмтными вспышками. В следующий миг "фиаты" распались по всему небу, и начался одиночный бой. "Если фашистские самолёты пришли обстреливать передний край республиканских войск, то их замысел можно считать сорванным", отметил про себя Романов, разворачиваясь в хвост вражескому истребителю. Оглянулся назад: "Где Бобров?", Он заметил, что его ведомый погнался за фашистским самолётом и стрелял ему вдогонку. Романов, маневрируя, выбрал удобную позицию для нанесения огневого удара по "фиату". Чем кончилась у Владимира атака, он не видел, так как поймал итальянца на прицел. В воздухе повис грязный коричневый жгут дыма. Когда Александр снова отыскал своего ведомого, то увидел, что за самолётом Боброва увязался "фиат", да так, словно приклеился к нему. Сверкнула золотистая трасса. Романов представил, что чувствует сейчас молодой лётчик в кабине ... А "фиат" тем временем заходил в новую атаку. Нельзя было терять ни одного мгновения. Романов подвернул свой истребитель и спикировал на итальянца. Ударил сразу из всех четырёх пулёмтов. "Фиат" вздрогнул и, окутанный дымом, сорвался в штопор. Вражеские самолёты очищали небо. На земле от постов наблюдения пришло подтверждение о сбитых в бою фашистских самолётах. Лётчики не стали делить их между собой. - Мы привыкли дома делать всё сообща, - сказал Романов. - Так давайте и тут, в Испании, вести общий счёт трофеям эскадрильи. Все поддержали его. Никто не заговорил о личных победах. Такова была традиция интернационального отряда - один за всех и все за одного. Командир эскадрильи Фёдор Родин, которого лётчики любовно звали "батя". Сделал первую запись в журнале боевых действий. Поздно вечером, когда после нескольких боевых вылетов настало время отдыха, Романов напомнил Боброву об ошибках, допущенных в первом бою. Ведомый Романова нарушил заповедь - держаться своего места и дал возможность опытному итальянцу отсечь себя от своих.

Как только фашисты вышли к Средиземному морю, заняли на побережье Винарос и другие населённые пункты, они в первую очередь предприняли попытки расширить захваченный приморский участок и с этой целью начали наступление к северу - в направлении к Тортосу. Город подвергался яростным атакам. Фашисты обрушились на него большой массой авиации и артиллерии. Весёлая Тортоса за несколько дней была превращена в груды обломков. Над ней стоял дым пожарищ и каменная пыль. Однако все атаки мятежников и интервентов и их попытки переправиться на левый берег Эбро у Тортосы республиканские войска отбили с большими для врага потерями. Чувствуя, что все попытки выйти на подступах к Барселоне, где находилась резиденция республиканского правительства, через Тортосу провалилась, франкисты и германо-итальянские интервенты нанесли свой удар с юга. Начались ожесточённые атаки на выступе фронта между Кастальоном-де-ла-Плана и Теруэлем. Этой операцией фашисты преследовали далеко идущие цели: овладеть побережьем между городами Са-гунто и Валенсией.

Группа советских лётчиков-добровольцев, в которую входил Романов и Бобров, перелетела на фронт Леванта. Перебазирование из Каталонии удалось совершить скрытно от противника. Посадку произвели в провинции Валенсия на площадке среди гор, окружённой цитрусовыми садами. Аэродром располагался на берегу притока реки Турия, впадающий в Валенсийский

залив. На следующее утро поступило сообщение, что итальянские истребители "фиат" большими группами штурмуют позиции республиканских войск под Теруэлем. Командование направило в этот район авиагруппу, в которую входил Александр Романов.

Снова ведомым у него был Владимир Бобров. Но теперь молодой лётчик хорошо знает недостатки первых полётов. Показалась линия фронта и перед ней рой "фиатов". Развернувшись, советские лётчики бросились на врага и закипел бой. Бобров прикрыл в атаке Романова и сам занял выгодную позицию для нанесения огневого удара - повис у фашистского самолёта на хвосте. Тот попытался вывернуться, но Владимир крепко держал его. Расстояние между самолётами сокращалось. "Ну, можно атаковать!" - Владимир ощутил, как в жилах закипает кровь. На один только миг оглянулся назад: "Не грозит ли опасность?" - и увидел самолёт Романова: Александр качнул крыльями, будто подбадривая: "Бей же, я прикрываю." Это было высокое доверие ведущего, который предоставил ведомому полную свободу действий. Значит, Романов оценил выгодную позицию Боброва и на время атаки поменялся с ним местом. Вот они, священные узы товарищества!

"Фиат" проглотил порцию свинца, кувыркаясь и, выбросив струю дыма, вспыхнул. Победа! Это был первый сбитый Бобровым вражеский самолёт. Бой провели организованно, наступательно, небо над республиканскими позициями быстро очистилось от вражьей своры. Уже на аэродроме приземлились самолёты. Уже спустились сумерки, и штаб подтвердил, что за день сбито 12 вражеских самолётов.

Владимир был рад, что бои складываются для него неплохо: нюхнул пороху, встретился со смертью накоротке, она не страшна, когда рядом Саша Романов. С ним не пропадёшь. Предстоящие бои уже кажутся такими трудными. Удручала гибель Колоскова и Яшина, она оставила глубокие отметины на сердце. Но Владимир сбил в этом бою фашистский самолёт. Пусть же он пойдёт в счёт мести за боевых друзей.

На фронте Леванта в Валенсии пробыли недолго. Боевая обстановка изменилась. Вскоре выяснилось, что, начав наступление на Кастальон-де-ла-Плата, Сугунто и Валенсию, фашисты не отказались от плана прорыва к столице Каталонии - Барселоне. Располагая подавляющим численным превосходством на земле и на воздухе, в живой силе и технике, они во второй половине мая 1938 года сделали новую попытку выйти на подступы к Барселоне - переправиться через реку Сегре на участке Восточного (Арагонского) фронта. Обливаясь кровью, республиканцы сдерживали натиск озверевшего врага. На помощь им из Валенсии спешила авиационная группа, в которую входил Александр Романов.

В эти майские дни он принял участие в крупных воздушных боях на восточном фронте. В течение одного дня авиагруппа советских лётчиков-добровольцев трижды вступала в неравные поединки с фашистскими пилотами и неизменно выходила из боя с победой. Всего она сбила, взаимодействуя с испанскими республиканскими лётчиками 18 фашистских самолётов. По всей фашистской Германии отмечался тогда траур. Газеты "Фелькишер беобахтер" и "Франкфурте? цейтунг" оплакивали смерть своих асов Вейхера и Бургхарда, указывая, что оба они не вернулись из боя 23 мая.

Обзор военных действий в Испании, опубликованный в "Правде" 24 мая 1938 года, подтверждает: "Республиканская авиация, несмотря на свою меньшую численность по сравнению с авиацией противника, не уступала авиации фашистов по интенсивности своих операций. Даже при несколько меньшем общем количестве самолётов-вылетов республиканцы действовали с большим успехом".

В один из последних дней мая Александр Романов со своим ведомым Владимиром Бобровым и другими лётчиками прикрывал республиканские самолёты, штурмовавшие наземные войска фашистов в районе Мора-де-Обро. В этом бою Бобров заметил, что "фиат" стреляет по самолёту его ведущего. Владимир камнем свалился на фашиста, ведя одновременно сильный огонь. Атака врага сорвалась. В первом бою над Каталонией Александр спас жизнь Владимиру, выбив засевшего у него на хвосте итальянца. Теперь Бобров отблагодарил Романова тем же. На земле Александр Романов молча обнял своего ведомого. Командование республики поставило задачу — усилить борьбу против бомбардировочной авиации врага

ночью. Опыт ночных воздушных полётов уже имелся. Гремела слава Карлоса Кастехола и Радриго Матес - советских добровольцев, замечательных лётчиков-истребителей Михаила Якушина и Анатолия Серова. Каждый из них сбил по фашистскому самолёту ночью над Мадридом в июле 1937 года. В сентябре их подвиг повторил Ерёменко на Арагонском фронте, в сентябре Степанов сбил "савойю" между Барселоной и Сабодолем. Более тысячи испанцев пришли к мосту, где лежал обгоревший остаток машины. - Кто сбил машину? - спрашивали люди. Кто-то сказал: "Степанов". Его принялись качать. Женщины-испанки со слезами на глазах благодарили советского лётчика. Славой покрыл себя и Хозе Редондо. Он первый из испанских пилотов открыл в 1938 году счёт сражённому ночью фашистских самолётов, сбив трёхмоторный германский бомбардировщик.

Для ночных полётов отбирали самых выносливых добровольцев. На них ложилась двойная нагрузка. В группу истребителей-ночников зачислили Николая Семёнова, Александра Романова, его земляка - новосибирца Павла Пятина, Владимира Боброва. Душою организации дела стал коммунист, опытный лётчик Семёнов, родом из Подмосковья. Дежурили на аэродроме Прат, южнее Барселоны один-два раза в неделю. В остальные ночи летали испанские пилоты. Семёнов, Романов, Пятин и Бобров приезжали сюда с фронтового аэродрома после дневной работы на чёрной легковой автомашине, которую лихо водил шофёр Рафаэль. В Прате находились запасные самолёты - истребители "И-16", специально предназначенные для ночных действий. Вечер быстро угасал. В ожидании, когда взойдёт луна, Бобров играл в шашки с Пятиным. Романов отдыхал на кушетке. Семёнов ушёл к авиамеханикам. Время приближалось к 23 часам. Телефонный звонок поднял всех на ноги. Посты воздушного наблюдения оповещали, что на высоте около 1000 метров к Барселоне приближаются вражеские самолёты. Начали взлёт по тревоге. Мотор самолёта Пятина начал "барахлить", и его вылет пришлось отменить. Вторым поднялся Романов. Пока бежал к машине, пытался ответить себе на вопрос: "Каким увижу горизонт? Есть угроза потери пространственной ориентировки". Такая неприятность в тёмную ночь может случиться и с ним, опытным лётчиком. Для обеспечения ночных полётов аэродром Прат не имел даже самого элементарного оборудования. Радио на самолётах нет. А о каких-либо средствах управления "ночной охотой" и наведения на цель не приходилось и говорить. Романов взлетел для прикрытия района порта и почувствовал себя спокойно. Казалось, остались на земле все волнения. Набрал высоту, и увидел на горизонте еле заметную узкую апельсиновую полосу зари. Угадал корабли, стоящие в порту у причала. Огромным тёмным пятном выделялся город. В сиянии луны асфальт на главном проспекте имел матовый отблеск. Барселона притаилась, ожидая воздушного налёта. Тёмная бездна раскинулась под крылом. Начался полёт над морем. Горизонт постепенно поглощала ночь. Над головой - крупные звёзды, под крылом - чёрный бархат моря. Никаких ориентиров. Глаза впиваются в приборы машины, то сверлят ночную мглу. "Где враг?" Лихорадочно, возбуждённо Романов ищет самолёты - бомбардировщики. Они уже пришли. Зенитки стреляют в самом центре Барселоны. Где-то в своём секторе ищет врага Бобров...

Вдруг навстречу над самой головой Романова проплыло что-то чёрное; "Эх, прожектор бы с земли", - мелькнула мысль, но внизу море. Романов повернул свой самолёт в сторону Барселоны, просматривая воздушное пространство, наполненное серебристым сиянием луны. Где-то поблизости должен находиться вражеский самолёт, нагруженный бомбами, далеко не ушёл... Да вон он, чуть выше. Заметный, синие, красные, фиолетовые искорки выхлопов. И Романов атаковал сразу же - обдал линиями траассирующих пуль один, затем другой мотор и перенёс огонь на плоскость. Фашистский бомбардировщик ярким метеором понёсся вниз к морю, так и не сбросив ни одной бомбы. Он врезался в воду неподалеку от портовой дамбы. Самолёт Романова снова поглотил мрак. Он казался теперь особенно тёмным и непроглядным. "Где аэродром?" - подумал лётчик. Он оставил Барселону справа, развернулся, рассчитал время полёта по минутам.

Вспышки зениток угасали. В городе тлели отдельные очаги пожара. Аэродром Прат должен находиться где-то слева. Бензину осталось мало. Полётное время на исходе. Горизонт пропал. Как определить положение в пространстве? Спокойствие и выдержка! Перед вылетом на земле

ему обещали обеспечить посадку проблесками автомобильных фар - обозначить ими границы посадочного поля и указать направление посадки. Но пока ничего не видно. Приземление же без подсвета исключено. Включил на несколько мгновений навигационные огни, встал в вираж и принялся ждать, а вот, наконец, и аэродром обозначил себя. Романов начал снижаться. Огоньки всё ближе и ближе. Тьму пробил луч, лёг на землю и погас. Непроницаемая испанская ночь опять спрятала землю. Но страха нет. На земле ждут, встречают советские и испанские друзья! Лётчик успел определить своё положение и подвернуть. Вот снова блеснул спасательный луч. В его сиянии машина несколько раз подпрыгнула и покатила по твёрдому полю аэродрома.

В начале июня фашисты начали новое большое наступление на фронте Леванта с главным ударом на Валенсию. Многократно превосходящие силы противника рвались на Кастельону-де-ла-Плана. Здесь разворачивались главные события войны в Испании. Ночные полёты пришлось прервать. Истребительная авиагруппа советских лётчиков-добровольцев, в которую входил Александр Романов улетала из Каталонии на аэродром в Вильяр. Их ждала многострадальная Валенсия. Бои на фронте Леванта в первой половине июня 1938 года отличались особой ожесточённостью в районе Кастельона-де-ла-Плана. Этот город являлся узловым пунктом республиканской обороны на побережье Средиземного моря. С воздуха он подвергался невиданным до того бомбардировкам фашистской авиации. Сто вражеских самолётов на протяжении одного только дня на позиции защитников города и на жилые кварталы тысячи бомб, расстреливали мирное население из пулемётов. С моря Кастельона-де-ла-Плана бомбардировали крейсера мятежников. В воздухе не стихали сражения республиканской авиации с германо-итальянскими самолётами. Между вылетами отдыхать было некогда. У пышущих жаром машин едва успевали потушить подшлемники, вытереть вспотевшее лицо, сказать самое необходимое, разобраться в своих действиях.

С аэродрома Вильяр поднялось два звена истребителей для прикрытия войск на побережье. Их повёл Александр Романов. Встретились в воздухе с "мессершмитами". Завязался бой.словно вспышка магния, ослепила Романова встречная огневая трасса. Не сворачивая с курса он обстрелял фашистов при лобовой атаке и заставил его отвернуть. Вслед за этим истребители закружились в хороводе, похожим на абразивный круг, выбрасывающий снопы разноцветных искр. Противники старались захватить тыловые позиции. Через несколько минут под ударами советских добровольцев-авиаторов самолётный круг "мессершмитов" разлетелся в разные стороны. Отдельные группы республиканских и фашистских машин сцепились в ожесточённых схватках. После удачного маневра Романов стремительной атакой расстрелял "мессершмита". Находясь в глубоком вираже Бобров отметил место падения фашистского истребителя, окутанное дымом и пылью. Точно рассчитанная атака Романова послужила сигналом для решительного наступления всей группы. "Мессершмиты" были разогнаны. Вскоре Александр Романов повёл группу самолётов истребителей на перехват самолётов фашистов, которые вылетели с острова Маоторка в направлении Кастельона-де-ла-Плана. Вышли на дальние подступы к фронту и над островом Колумбретос встретил группу бомбардировщиков "савойя" в сопровождении истребителей "фиат". Поднялась пурга из трассирующих пуль, численное превосходство не спасло врага. Три фашистских самолёта задымились. Над морем повисли парашютисты. Остальные вражеские машины рассыпались по небу и к намеченному объекту не прорвались. Часть республиканских лётчиков отсекала и сковала истребителей противника, остальные вели одиночные преследования фашистских бомбардировщиков. Когда группа Романова снова собралась вместе, каждому стало ясно: если на пути к аэродрому Вильяр повстречаются вражеские истребители, горючего для боя не хватит. В этой сложной обстановке Романов должен был найти единственно правильное решение.

... Командир группы Фёдор Родин томился в ожидании своих лётчиков уже много часов. "Ума не приложу, что могло случиться, - волновался он, неровно шагая по каменистой почве. - Вылетело на операцию девять самолётов, давно прошли все сроки, а ни один из них не вернулся ...". Родин не находил себе места, то останавливался и долго смотрел на небо, то опять принимался мерить шагами лётное поле. Вдруг до слуха донеслось что-то похожее на гудение

шмеля. Оно нарастало с северо-востока, и вскоре небо над Вильяром заполнилось многоголосым рёвом. Истребители стали над аэродромом в круг, и вскоре Фёдор Родин с лёгким сердцем наблюдал, как его лётчики один за одним выходили на посадку. Последним приземлился Романов. - Я принял решение лететь на север, - докладывал Романов командиру группы. "Кратчайшим путём над морем мы пошли в Каталонию. Сели на аэродроме Реус. Пополнили запасы бензина, перелетели в Сабадель, где заправились уже окончательно, осмотрели машины и немного отдохнули...

Родин объявил Романову благодарность за тактически грамотное решение. Лётчики и техники-испанцы говорили: "Камрадос Ахандро - авиационный профессор". Александр Романов водил лётчиков на боевые задания в самых сложных условиях. Однажды на пути их стала высокой стеной карательно-коричневая грозовая туча. Что делать? Но не таков характер у Романова. Он пошёл на пролом. Внутри туча кипит, бушует, - адский котёл. Кругом тьма. Самолёты затрясло. Воздушные вихри гигантскими клещами тянули лётчиков из кабины и они зависали на ремнях ... и вдруг - ослепил яркий свет, глазам сделалось больно от небесной синевы. Вывалились из тучи прямо на большую группу вражеских самолётов: 4 "хейнкеля", 8 "фиатов", 6 "мессершмитов". В воздухе засверкал огонь. При форсировании грозовой преграды Романову удалось сохранить компактную группу, и это принесло успех в сражении. В воздухе повисли вражеские парашютисты. Из боя выходили крутым пикированием и видели как испанцы в окопах машут платками и аплодируют.

Романов не терпел шаблона. Летая с бомбардировщиками, он выработал новую тактику - шёл выше и на большом расстоянии от сопровождаемого самолёта, обеспечивая себе сектор обзора и простор для манёвра при отражении атаки. Лётчики-испанцы на бомбардировщиках поначалу протестовали: "Когда истребитель идёт рядом, экипаж спокоен". На совместных разборах полётов Романов убедил испанцев принять новую тактику. 16 июня, видя яростные бои, но значительно уступая фашистам в живой силе и технике, республиканцы оставили Кастельона-де-ла-Плана. Враг потерял на подступах к городу не менее сорока тысяч человек. Александр Романов вместе с другими лётчиками-добровольцами неоднократно вступал в воздушные бои. На одном из участков Левантийского фронта юго-западнее Кастельона де-ла-Плана, около 30 самолётов "фиат" штурмовали республиканские позиции. На земле фашисты уже рвались к Сагунто и Валенсии. Самолёты сваливались на окопы республиканцев звеньями по три машины, расстреливая пехоту из крупнокалиберных пулемётов. Одни "фиаты", отстреливаясь, уходили вверх, другие занимали их место, образуя смертоносную воронку, непрерывно выплескивающую огонь. На земле горела трава. Александр Романов во главе группы истребителей торопился на выручку республиканским войскам.

Увидев поле боя. На которой по хозяйничали камуфлированные в желтовато-зелёный цвет, похожие на лягушек "фиаты", он молниеносно принял решение. По сигналу Романова группа перестроилась с превышением звена над звеном. Атаковать фашистские самолёты предстояло с территории мятежников, а выходить в зону республиканцев. Предусмотрительный Романов предпринял это тактическое решение на случай, если в бою чья-либо машина получит повреждение.

Пересекли линию фронта Романов и его ведомые Бобров и Емельяненко ударили по "фиатам" сразу из 12 пулемётов и стремительно ушли к земле. Тот же манёвр через определённые интервалы начали выполнять другие звенья, атакуя самолёты противника. Фашистские лётчики попали в ловушку: все их самолёты оказались зажатыми в котловане. Впереди и по бокам - горы, сзади республиканская территория, над которой появились новые группы республиканских истребителей. Настоящая западня! "Фиаты" заматались всюду, попадая под огонь республиканских истребителей. В воздухе распустились одуванчики

парашютистов. Ветер сносил их на республиканскую территорию. Многим вражеским стервятникам была уготована участь догорать в долинах и в окрестностях гор. Республиканские бойцы в окопах потрясали оружием, приветствуя большую победу Романова и его орлят.

Ведущий стал собирать группу. В это время через горный хребет перевалило 4 "хейнкеля". Они шли двумя парами с превышением одной над другой. Романов с группой в это время находился в лучах солнца, по этому удар получился внезапным. "Хейнкели" беспорядочно побросали бомбы и попытались скрыться. Стремительная атака закончилась черно-красными взрывами на земле. - Я убеждён, - докладывал Романов, - на аэродроме Родину, - что "хейнкели" шли накрыть наши истребители при посадке. Хороший боевой день закончился нелепым и одновременно смешным случаем. Сажая самолёт Василий Андреев проскочил взлётно-посадочную площадку и за её пределами врезался в мула, на котором испанец обрабатывал землю. Машина получила повреждение. Романов стоял в тени, под оливковым деревом. Широко расставив ноги и подбоченясь он выслушивал доклады лётчиков о готовности машин к бою. Андреев нерешительно переминался в стороне. Романов поманил его пальцем к себе, посадил на койку-раскладушку и чуть слышно спросил: "Воевать то на чём думаешь дальше? На муле, что ли. Так ты его убил, а он хозяину нужен." Андреев виновато молчал, понимая, что значит для хозяина мул. - Что же с тобою делать? - размышлял между тем вслух Романов. - Пусть решит партийное землячество: остаться тебе в Испании или досрочно ехать домой. - Что угодно, только не это! - с волнением воскликнул Андреев. - А за убитого мула хозяину заплатить придется.

Отборные фашистские ассы не могли превзойти Александра Романова в мастерстве атак, разнообразии тактических приёмов ведения воздушного боя, в военной хитрости. Комиссар Мартин (советский доброволец Ф.А. Абальцов, ставший впоследствии маршалом авиации) объявил лётчикам, что Романов представлен к званию Героя Советского Союза.

Лётчик-истребитель Александр Романов вёл изнурительные воздушные бои, по несколько раз в день вылетал на выполнение различных боевых заданий. Вместе с тем он там выполнял и функции полкового испытателя, "доводил" машины после ремонта, придирчиво вскрывал недостатки и недоделки. Самолётов у республиканцев оставалось очень мало. Франко-испанская граница была закрыта, с моря республиканское побережье блокировали фашистские корабли и подводные лодки. Политика невмешательства буржуазного мира привела почти к полной изоляции Испанской республики от внешнего мира. Военная помощь извне уже не поступала, поэтому отдельные самолёты имели по три-четыре капитальных ремонта. И прежде, чем на них снова шли в бой, эти машины проходили через руки Александра Романова.

Утро 21 июня 1938 года началось очень удачно. Лётчики выиграли два неравных боя. Потерь не имели. Романов ещё в воздухе подметил у самолёта Николая Семёнова необычную инерцию посадки. Машина только что вышла из ремонта. Почему же её затягивает в пикирование? Какая сила сваливает в левый крен? Лётчику пришлось приложить большие усилия, чтобы выровнять истребитель. Достиг он этого за счёт большой потери высоты. Романов подал сигнал и вся группа после этого следила за Семёновым, его машина шла "змейкой", чтобы его случайно не подловили "мессершмиты". Когда приземлились, Романов доложил военным инженерам - советским добровольцам И. Прачину и В. Булыгину о своих наблюдениях и попросил побыстрее устранить дефект, чтобы взять Семёнова в очередной полёт.

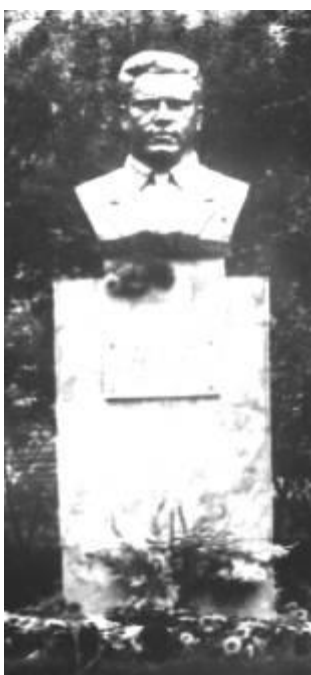
Перед вылетом на испытания Романов отдыхал полулёжа в тени самолёта заводил патефон и слушал песенки в исполнении Кэто Джапаридзе. К нему потянулись лётчики. Романов встал и направился к самолёту Семёнова. Как опытный врач, он не спеша осмотрел машину, затем поднялся в кабину. Разбег и набор высоты прошли нормально. Опробование истребителя Романов начал с простого пилотажа и вскоре перешёл к высшему, Владимир Бобров и другие лётчики, наблюдали за полётом с земли, почти физически ощущали то, что переживал Романов в воздухе. Земля волчком вертится перед глазами. Вот от сильного давления потемнело в глазах - перегрузка, а вслед за этим лётчик уже не чувствует веса собственного тела, только крепче сжимает ручку управления. Полёт вниз головой - будто нет под тобой сиденья. Пикирование. Быстро приближается поле аэродрома и машина

нормально переходит в горизонтальный полёт. И снова земля и небо, небо и земля всё быстрее и быстрее сменяют друг друга. Романов готовит самолёт к воздушному бою. В схватке с фашистами не на жизнь, а на смерть будет ещё сложнее. Один каскад фигур высшего пилотажа сменяется другим. На земле все любовались чёткой работой лётчика, который теперь снижался на небольшую высоту с продолжением виртуозной работы. Вот самолёт Романова после целой серии фигур свернул на солнце, нырнул в пике. Именно в этом важнейшем из боевых элементов у самолёта-истребителя в бою отмечался недостаток. Уже близко земля, а машина на большой скорости почти вертикально несётся к аэродрому. Все оцепенели.

"Ну, Саша!" - весь холодея внутренне воскликнул Бобров. Романов пустил сектор газа вперёд, что называется "на полную", надеясь всей мощью мотора вырвать самолёт из пикирования. Тысяча лошадиных сил с неистовым воем бросила истребитель вниз, и он ударился о каменистый грунт метрах в пятидесяти от командного пункта. Видимо техника отслужила своё...

Среди обломков машины обнаружили ручные часы Романова. Стекло разлетелось на мелкие кусочки, ремень лопнул, а они наперекор всему шли, как бы символизируя жизнь, которую нельзя остановить. Часы отдали на память технику самолёта Хуану.

Предвечернее испанское небо сверкало синевой, товарищи хоронили Александра

Романова, которому не исполнилось ещё и двадцати шести лет. Как герою республиканской Испании, ему отдали все национальные почести. Близ аэродрома на кладбище за посёлком Вильяр-де-Ольмос состоялся митинг. Прозвучали короткие скорбные речи. Прогремел салют. Гроб поставили в бетонную нишу. Кто-то лопаточкой замуровал отверстие. Надписи никакой не оставили, но место погребения запомнили. Все медленно побрели на аэродром. И только на земле рядом с бетонной стеной, рядом с холмиком из живых цветов, безутешно рыдал испанец - техник самолёта Александра Романова.

В общежитии койку погибшего лётчика оставили в неприкосновенности. Командиром звена стал Владимир Бобров. 12 ноября 1938 года газеты опубликовали Указ Президиума Верховного Совета СССР. За образцовое выполнение специальных заданий Правительства и за проявленное геройство лейтенанту Александру Романову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

... Перед экзаменационной комиссией стоит Александр Романов. Он небольшого роста, с курчавыми, откинутыми назад волосами. - Поздравляю вас! - обращается к юноше председатель комиссии седой, плотный полковник. - Вы зачислены в военное училище. Желая вам стать хорошим офицером и служить Родине так же честно, как герой - отец.

За дверями дожидается сына мать - Мария Сергеевна. Время от времени прикладывает платок к глазам. Не раз слезами и тоской платила она своей судьбе: и когда провожала мужа в "далёкую командировку", и когда муж погиб в Испании, и когда на нас напали фашисты, и когда ей было тяжело в эвакуации с маленьким Сашей. Но сегодня глаза у Марии Сергеевны влажны от счастья, от гордости за Александра. Государство помогло ей вырастить сына достойным Отечества. "Пойду по пути отца", - сказал ей сын голосом твёрдым, решительным. Мать ничего не возразила: это правильный путь, хотя где-то в глубине сердца поселилась тревога.